

CREDO NEW теоретический журнал

[Главная](#) [Подшивка](#) [Редакция](#) [Наши авторы](#) [Партнеры](#) [Карта сайта](#) [Подписка](#)

Поиск по сайту

Лента новостей

[06.11.2013 - Порядок материалов](#)

[06.11.2013 - Голбан.Рождение понятия бытия в учении Парменида](#)

[05.11.2013 - Коваленок.Несколько размышлений по поводу формирования онтологической программы пифагорейства](#)

[05.11.2013 - Подоксенов.Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества](#)

[05.11.2013 - Нугаев.Максвелловская методология синтеза теоретических схем оптики](#)

[05.11.2013 - Витол.Глобализация техносферы: тенденции, истоки, перспективы](#)

[05.11.2013 - Гринюк.Языковая картина мира как философская проблема](#)

[05.11.2013 - Павленко.Социальные сети как фактор развития науки](#)

[05.11.2013 - Смирнов.Основные сценарии развития человечества](#)

[05.11.2013 - Мальков.Социология безопасности: проблемы социальной](#)

[Главная](#) → [Подшивка](#) → [2004](#) → [Теоретический журнал "Credo"](#) → Создает ли "скоропись" врага? О "мертвописи" у Федорова (стенограф), П.Боянич

СОЗДАЕТ ЛИ "СКОРОПИСЬ" ВРАГА? О "МЕРТВОПИСИ" У ФЕДОРОВА (СТЕНОГРАФ), П.БОЯНИЧ

Боянич Петер,

*доктор философии
Париж*

Создает ли «скоропись» врага? О «мертвописи» у Федорова (стенограф)[1]

Будь мы сто лет назад, минув эти сто ужасных лет войн, вражды, небратства, вооружения, жертвоприношения, жертв, трупов и забвения, очутились бы мы все вместе современниками Федорова, присутствующими его последним дням. Думается, основная причина, которая заставляет нас сегодня задуматься о Федорове, заключается не только в его грандиозном проекте (латинское слово "проект" (204), которое он употребляет, и которое вряд ли можно считать удачным решением, по-видимому, заимствовано у Канта из его небольшого текста о мире; по сути, русское слово является перенятым из французского словом *le projet*, послужившим переводом для кантовского *der Entwurf*; Федоров говорит о «проекте церкви (проекте всеобщего переоружения)» (325), но также и о «проекте философии» (595) – «если теоретическая философия, - пишет Федоров в тексте о Музее, - не станет проектом, не перестанет отделять...»), проекте, о котором пойдет речь в продолжение этой «скорописи» и «стенографа», но и в том, что все мы сегодня (и не только мы, которые здесь, хотя и не все, кого нет здесь, все же – не большинство, а меньшинство) так или иначе являемся библиотекарями книг, которые находятся в вражде, книг и информации, классификацию которых все трудней провести, книг, которые написаны «мертвописью», из которых необходимо сотворить книгу книг, книгу, которую сотворил сам Федоров сто лет назад.

Нужно буквально («буквально» для него тоже важное слово) понять три заметки Федорова: о писании, о книгах и о каталоге как одной единственной книге.

Сначала о писании. В пункте пятнадцать первой части «Вопроса о братстве или родстве...» Федоров пишет:

«Скоропись (курсив, мелкое, беглое письмо, беглопись) – это письмо Нового времени, времени, переходящего от религиозной жизни к светской. Подобно тому как все должности и профессии лишаются священного значения, и письмо перестает быть службою Богу в общем, хотя и таинственном, деле, а подобно другим профессиям обращается в личное дело и становится средством наживы; скоропись – это уже не священное письмо, и не благоговение управляет рукой писца, ставшего наемником и продавцом, не

CREDO -
копилка

Дай пять

на издание
журнала

[Хочу такую кнопку](#)

благоговение управляет и рукою писателя и вообще пишущего в эту эпоху, не признающую ничего священного.

Для новейшего времени и скоропись оказалась еще медленною, и вот оно создало стенографию для записывания всего создаваемого на скорую руку. Скоропись, несмотря на быстроту, оставляет еще переписывающему некоторую свободу, тогда как стенограф, находясь в полной зависимости от говорящего, обращается ужю в машину, в фонограф. Чтобы понять сущность прогресса, нужно представить весь путь от живописи, которая была первою грамотою, которая от писавшего требовала художественных способностей, полноты души (такова была иероглифическая грамота, это живое письмо, говорившее преимущественно о мертвых, как бы оживлявшее их), до письма стенографического, в коем уже нет ничего живописного; стенография есть мертвопись, говорящая о дрязгах живых, исполняемая человеком, обращенным в самопишущую машину» (83, 84-85).

Все же, Федоров не полностью отмечает скорость (как милитаристское понятие *par excellence*), в контексте проекта и будущего она все еще играет важную роль. Впрочем, она всегда будет угрозой и роком любого проекта; это своеобразный «иезуитизм проекта как такового».

«Скорость не была бы болезненным явлением только в том случае, если бы прилагалась к общему отеческому делу и оправдывалась целью» (84).

О чтении и книгах.

В тексте о Музее Федоров пишет:

“Книги – не мирные существа; и они так же чужды, столь же враждебны друг другу, как наше светское и духовное, военное и гражданское, экономическое и бюрократическое. А потому и библиотека, как собрание книг, - область не мира, а борьбы, полемики, и отделения ее или рубрики каталога соответствуют всем сказанным разделам самого общества. Читением уже всасывается вражда, воспитываются, создаются борцы по каждому небратскому состоянию общества, по каждому небратскому отделу библиотеки, по каждому разряду ее каталога; ибо классификация книг основана на том же начале вражды, на каком и общества распадаются на небратские состояния или сословия” (592); “уже в книгах выражаются вообще небратские отношения всех между собой людей” (593).

Наконец, вот перед нами проект, книга как проект. Последняя книга. „Философия общего дела“ – это все еще философия, философия как проект и как последняя философия:

„Каталогизация есть попытка соединить в одну книгу, в „библию“, все книги, а самый каталог есть как бы оглавление этой книги. Попытка дать классификацию книг, привести их в систему могла бы быть всеобъемлющею философскою системою, если бы только она была вообще возможна. Невозможность же ее заключается в самой жизни, которая также не представляет единства. Для нас возможна, следовательно, не классификация книг, а проект объединения в жизни, в которой распадение тем временем все увеличивается“ (595).

Объединить в одну книгу или текст, сайт (site), или файл (file)...Записать или объединить в одну книгу, с помощью которой нужно освободиться от книг. Всех возможных книг. Это Фёдоров, Фёдоров библиотекарь, в книгах и в текстах, и это мы, которые вспоминаем его сто лет спустя. Эта насыщенность текста, насыщенность сначала метафорами, а

затем и мёртвыми буквами. Думаю, что это мгновение рождения "проекта" или "воскресения" проекта из мертвописи является великой апорией, которую мы сегодня повторяем, мы - библиотекари (и по-видимому воины, все еще воины), повторяя Фёдорова, как вести (или не вести) войну, последнюю войну против любой возможной войны, как вести (или не вести) братскую войну без насилия, чтобы выйти из состояния войны? Как "бессильно устранить причины небратства (63)? Как спроектировать философию, чтобы выйти из философии, как перейти из фабулы в проект (617)? Как писать, чтобы не писать? Как писать так быстро, чтобы отменить писание? Как жить, чтобы не умереть или как умереть, чтобы не быть мёртвым?

Как не повторить эти сто лет? Как не быть Фёдоровым? Как не умереть или не воскреснуть?

Когда я говорю, что мы должны повторять Фёдорова, под этим я подразумеваю не только повторять его великолепный проект и призывать заново, после ста лет, к "буквальному смыслу", к делу, но не к метафоре или к мысли, к призванию как делу или делу как призванию, но и в то же самое время повторять смерть и умирать. А затем и убивать. Возобновлять Фёдорова или сто лет спустя снова являться Фёдоровым значит возобновлять "организм", возобновлять метафоры и аналогии организма, возобновлять силу и милитаризм ("внутренний душевный милитаризм" (453)), болезнь или смерть организма. Если бы необходимо было отличить проект Фёдорова от остальных проектов, то следовало бы отметить его всё ещё и всегда актуальное обещание (я предполагаю, что сегодня нас это "дело" объединяет), касающееся организма или аналогий организма.

Проект – это не что иное, как "выход" - "выйти", "выйти из книги". Фёдоров как раз повторяет то редчайшее и важнейшее предание, которое этому выходу из книги прибавляет выход из организма, "выход из своей кожи", из смертной кожи. Как заменить кантовскую и гегелевскую парадигму организма (именно Кант говорит о смене парадигмы механизма парадигмой организма двести лет назад) Святой Троицей (образом Троиного Бога" (330); "по образу Пресвятой Троицы" (595))? Это и есть проект Фёдорова. Может ли союз или группа быть не организованной (орган, организм), может ли тело быть не организмом, а лицом, образом, ликом триединного Бога?

В конце текста «В чем наша задача?» Федоров пишет о том, что «соединение же особей-органов не может быть обществом понимающих друг друга лиц, а может быть лишь соединением ненавидящих друг друга существ, если только не сохранили в себе свойства лица, сохранили в себе задатки или остатки души, т.е. не сделались еще исключительно орудиями» (438). Далее читаем у Федорова: «Хотя наши общества, несомненно, есть некоторое подобие организму, но и они настолько подобны организму, насколько держатся насилием и выгодами; насколько же в этих обществах заключается действительно нравственного, душевного, настолько они и в настоящее время не подобны организму. Если мы не принимаем Единого Бога в Трех лицах, то это именно потому, что других связей, кроме насилия, не признаем. Отсутствие регуляции, недостаток способности полноорганности, или способности создавать себе всякого рода органы, т.е. совершеннейший организм, и производит вместо сосуществования личностей их последовательность или эфемерность, смертность» (438).

На первых страницах того же текста читаем также о том, что «объединение же по типу организма построено прямо на отрицании нравственного начала, потому-то оно и может держаться только насилием, принуждением» (330).

Что обозначает "выйти из организма" и почему организм зиждется на насилии? Владение и милитаризм данной парадигмы, развитие которой прослеживается с Левиафана, как великого человеческого организма, и вплоть до вирусов, которые в настоящее время нападают на организм компьютера (или этой стенограммы, или ваших текстов), я попытаюсь разъяснить одной мыслью, которую не стану здесь развивать.

Насилие, силу нельзя здесь оправдать. Нет "права на войну" или "права на насилие", потому что не возможно объединить один "физический факт" с одним "интеллектуальным", вроде аргумента, оправдания или права. Справедливость. Нет "справедливого насилия". Нет жертвоприношения. Однако, если сообщество представить себе как организм (только в организме, организме человека или животного, так или иначе соединяются "физическое" и "интеллектуальное"; Гегель суверенитет сравнивает с организмом животного), тогда можно вести "справедливую" войну против врага, который всегда находится извне, и тогда можно отдавать или жертвовать частью организма (территории), которые необходимы. Pars pro toto. Поэтому Фёдоров говорит о Музее, останках... Невозможно уничтожить останки, и поэтому их необходимо собирать как свидетельство того, что уничтожения не существует.

Однако сто лет после Фёдорова или же двести лет после кантовского незабвенного проекта о мире, две или три тысячи лет после ещё более знаменитых проектов, которые они вдвоём в той или иной степени повторяют, следовало бы также говорить об ответственности и о мертвописи проекта как такового. Следовательно, не о том, что уже является мертвым в одном проекте, не о том, что является уже мёртвой буквой одного проекта (это невозможно, так как проект всегда обещает жизнь и благосостояние; нельзя забывать и то, что жертвоприношение обещает, лотерея обещает, рынок обещает, партия обещает...), а о таком проекте, который сеет смерть. О мертвописи, производящей врага или фигуру, то есть принцип врага. Следовало бы также совершенно иначе говорить о неопределённостях и недостатках, которые содействовали ряду разных искажений и подделок, а также и значительной неудаче одного проекта.

Итак, что такое мертвопись у Фёдорова? Возбуждает ли проект определённую ответственность невозможности его реализации и актуализации? Или же - может ли Бог быть ответственным за протекание веков и войн? Невозможно ли это, является ли эта ответственность невозможной? Если кантовский маленький текст о мире лег в основу его лекций и текстов, говорящих об актуальном сегодня вопросе права на предупредительную войну и о несправедливом враге, которого позволено уничтожить, так что же таит в себе проект Николая Фёдорова? Можно ли использовать его эффектный упрёк Толстому по отношению к самому Фёдорову? Вспомним, согласно Фёдорову, Толстой "увековечивает вражду, скрывая её" (63).

Это великое погребение всего мёртвого и вражеского, которое неосторожно проповедует проект Фёдорова, следовало бы начать, бесспорно, с его параноидального толкования женщины и "половых различий":

«Вопрос о силе, заставляющий два пола соединяться в одну плоть для перехода в третье существо посредством рождения, есть вопрос о смерти; это исключительное прилепление к жене, заставляя забывать отцов, вносит политическую и гражданскую вражду в мир и вместе с тем заставляя забывать о земле как на небе находящемся теле и о небесных телах как о землях» (64).

Федоров различает два типа женщин и ставит перед женщиной особую задачу, в его размышлениях о рождении ("воскрешение есть замена похоти рождения сознательным воссознанием" (81)), о детях ("культ женщин и детей" (621); о "матерях, которые сжирали своих детей» (601)), его ошибочных и частичных толкованиях ислама (или "иудео-магометанства" (128)) как главного врага, которое сегодня было бы также злободневным своими предубеждениями, его политических взглядах о связи ислама и запада против России, которые в любом отношении неприемлемы (381), его вражеском отношении к буддизму, его пронизательному противопоставлению западу, его лютой ненависти к городу (в городе берёт своё болезнь, грязь, война, "вся городская культура есть обожание, обоготворение, то есть культ женщины" (488) и его преувеличением роли русской деревни (это позже повторит Хайдеггер), его часто воинственной речи о союзе и сближении людей, когда единство неумолимо превращается в народ как кулак, в союз как оружие (это повторяет Юнгер в своём *Die totale Mobilmachung* и *Der Arbeiter*), его может быть скрытом гегелианстве, в котором абсолют превратился в Музей, который всё собирает и хранит, который всё поглощает и ассимилирует себе, или его панлогизме (или кабалле), где знание, логос воплощает и отменяет смерть, его противопоставлении и вражде земли (суши) и моря (Carl Schmitt 1944 говорит об этом старом Левиафановом наследии в книге *Land und Meer*) (381) и его братстве (*res fratria*) (579), которое всегда будет ничтожным без сестёр и без сестринства. Великое погребение "мертвописи" у Фёдорова должно коснуться в конце концов также его христианства, его православия, и, вместе с тем, христианства, которое колонизирует и принуждает.

Обратим внимание ещё раз на весьма туманную экономичность Фёдорова относительно насилия в отрывке, говорящем о крови и жертвовании:

«Ко всему сказанному об исламе нужно прибавить, что ислам, как иудейство и язычество, есть религия кровавых жертв (Коран XXII, 34). Впрочем, и христианство, отвергая кровавые жертвы в храме, допускает их в жизни; но, чтобы не впасть при этом в противоречие, христианство должно признать их лишь временною необходимостью, вынуждаемою осадным, можно сказать, положением человека на земле. Допущение, однако, христианством кровавых жертв в жизни, даже и под условием их временности, тогда только не будет лицемерием, когда вся жизнь будует действием, направленным к выходу из такого положения, которое делает необходимым такие жертвы» (126).

Наконец, можно задаться вопросом является ли "васкрешение" в проекте Фёдорова тоже мертвописью? Является ли повторение этого требования, стенограф этого призыва и принятие участия в деле воскрешения мёртвых той же мертвописью?

"Православие же, говорит Фёдоров в конце текста о Музее, как сокрушение о розни, как печалование, найдёт в нём (в Музее) своё выражение." (604). Может ли случиться так, чтобы печалование как проект, который не является проектом, стало настоящим "делом проекта", чтобы проект без проекта, печалование как долгое и томительное стояние перед мёртвыми и перед убитыми, стало по сути парадоксальной, но всё же настоящей живописью? Является ли печалование тайной православия? (и не только православия; конечно же и буддизма противоположно тому, что говорит Фёдоров (114), ислама... отсутствует Игорь Смирнов, который должен был прочитать Фёдорова с Levinas-ом; в дневниках Scholema с начала века (например, недавно найденное стихотворение "Die Klagerlider") печалование можно было бы связать с долгом по отношению к слову *qinah*, затем наступает очередь Фрейда, потом 47-ой параграф

Хайдеггера в книге *Sein und Zeit*, в котором говорится о мёртвом и о трупе, затем опять Левинас и чтение Хайдеггера в лекциях из 1975 *Dieu, la mort et le temps*, и так далее),

Является ли печалование тайной, которая могла бы замедлить скорось проекта воскрешения Фёдорова?

Ставится вопрос могли бы боль, искушение, стыд и страх того знаменитого епископа - (много столетий до Феодора Студита, которого вспоминает Фёдоров, когда говорит о тайне погребения и о человеке как существе, которое погребают (207; 385)), смогло бы стояние Григория Нисского перед смертью и перед трупами своих родителей, своего брата, святого Василия, перед мёртвым телом своей сестры и профессора /adelfi kai didaskalos/ (как он её называет), святой Макрины – быть более точным и живым указателем для усилий Фёдорова? (О погребении своей сестры святой Макрины Григорий Нисский свидетельствует в "Житии Святой Макрины" (том 46, с. 996); с печалования и советов больной сестры Макрины святому Григорию по поводу смерти его брата Василия епископа Кесарийского начинается произведение Григория Нисского "О душе и воскресении" тот же 46-ой том Мигны, 12а.)

Вспомним здесь о том, как Федоров усиливает и ускоряет решение, приводящее к миру в письме к Вашкевичу о 12 ноября 1898 года: „Если же будем защищать одних и при этом поневоле будем убивать других, в этом преступления хотя и не будет, но лишение кого бы то ни было жизни все же остается величайшим злом, а потому воскрешение есть единственное разрешение этого противоречия. Воскрешение необходимо еще и потому что понесшие утрату не могут согласиться ни на какую замену, ни на какое вознаграждение, кроме действительного возвращения жизни“ (652-653).

Пункт 11, часть 2, „Записка от неученых к ученым русским...“ лучше всего указывает на „торопящийся проект“: „Когда же оно, духовенство, само начинает судить, тогда из православного делается католическим. Институт присяжных, литературная гласность есть только искажение печалования. Мировая скорбь есть также печалование за всех страждущих и умирающих, и эта скорбь не остается только чувством, не может им остаться, а переходит, должна переходить в дело“ (155).

Может ли само печалование препятствовать повторению нового, очередного столетия, которое было бы тождественно тому, которое отделяет нас от смерти Федорова? Окажемся ли все мы вместе сто лет спустя в печали грядущих сыновей и дочерей, братьев и сестер? Живы и вне всякого проекта. Живы с Федоровым.

[1] Все цитаты из Н. Федорова приводятся по изданию: Н. Федоров. Сочинения. М., 1982, с указанием лишь страницы в тексте.

[Вернуться](#)

Теоретический журнал CREDO NEW

Цитирование текстов допускается с указанием ссылки на источник.

Копирование текстов производится после прохождения процедуры согласования с редакцией.

Все права защищены 2007 (с)

Справки по почте redactor@credonew.ru